

**Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников
по литературе
2022/2023 учебный год**

9 класс

Задание №1

Аналитическое задание

(целостный анализ поэтического ИЛИ прозаического текста – по выбору ученика)

Выполните целостный анализ стихотворения *«Тревога» Юрия Давидовича Левитанского (1922-1996)*, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: изменения в пафосе произведения, диктуемом настроением лирического героя; значимость заглавия, подчёркивающего ключевую идею стихотворения, позицию автора; основные художественные образы, выражающие соотнесённость прошлого и настоящего, и художественные детали, их организующие; а также иные специфические элементы поэтики стихотворения.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый, грамотный текст.

Ю. Д. Левитанский

Тревога

Все о даче ты,
все о даче.
Неуклюжим стал,
как медведь.
Ставишь маленькие задачи.
Разучился в небо глядеть.
Свитер вязаный.
шарф и зонтик
берегут тебя от простуд.
Отгороженный горизонтик.
Астры розовые растут.
А ведь помню,
еще вчера ты,
бесшабашный и молодой,
лопал пшеничные концентраты,
умывался речной водой,
пил болотную муть от жажды,
укрывался Млечным Путем.
Вот постой
погоди,
однажды
в поздний час
мы к тебе придем.
Свистнем весело у порога,
и из омута тишины
кто-то гаркнет в окно –
«тревога!» –
зычным голосом старшины.
И, пугая жену и тещу,
уведем тебя налегке

через мокрую,
в росах
рощу
по кустам тальника
к реке.
Загорится хрустящий хворост.
руки в стороны, –
упадешь.
Будешь дуть в огонь
угасающий,
перепачкаешься в золе.
Вспомнишь:
есть у тебя друзья еще,
есть враги еще
на земле...
Но, признаюсь тебе,
одно лишь
беспокоит сейчас меня:
что, как двери нам не откроешь,
не засветишь в дому огня?
Будет тихо вокруг.
Ни звука.
И почудится в тишине,
будто мы схоронили
друга,
не убитого на войне.

1959

Выполните целостный анализ рассказа *Петра Петровича Гнедича (1855–1925) «Отец»*. Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): композиционные особенности произведения (значимость заглавия в организации текста, описаний, диалога); роль художественных деталей в повествовании; наконец, постарайтесь сделать вывод о своеобразии авторской позиции в произведении.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый, грамотный текст.

П. П. Гнедич

Отец

В самый ливень, моя мокрая тройка остановилась перед станцией. Это было белое каменное здание с железной крышей, двумя фонарями на красных деревянных столбах у подъезда, почтовым ящиком, выгоревшим от южного солнца, и каким-то печатным объявлением на двери.

Маленький, седенький, усатый смотритель выпрыгнул мне навстречу, и, осведомившись – сильно ли я промок, повёл меня в комнаты.

– Лошадей много-с, – ответил он на мой вопрос. – Ежели полчаса обождёте, курьерская свежая тройка будет. Духом домчит: у нас восемнадцать вёрст в час ездят, – это не то, что на иных прочих трактах. – Может, чаю прикажете, – или «глазунью» сделать? – уж несколько понизив голос прибавил он.

Дождь звенел в окна, ветер пригибал жидкие деревца в станционном палисаднике.

Отчего же и не подождать полчаса? В комнатах было чисто – видно, что они выбелены недавно. Чай с собою у меня из Москвы, – значит, самовар можно было поставить.

Смотритель, как и следовало ожидать, был вдовцом, подобно пушкинскому станционному смотрителю, – только, при этом, не имел дочери. Как все смотрители – он был важен, и как немногие – словоохотлив. Должно быть одолели его вечные перебранки с ямщиками и разговоры с кривоножкой босой девкой, «наставлявшей» самовар, и так его раздувавшей своими толстыми, малиновыми щеками, что оставалось только удивляться, как они не лопнут. Свежий человек – особенно в дождливую пору – находка.

– А как у вас насчёт железной-то дороги? – спросил я его, когда чай был уже налит в стакан, и «глазунья», слегка скворча на сковороде, уместилась между самоваром и кувшином со сливками.

– Говорят, что осенью приступят к изысканиям, – степенно отвечал он, отдуваясь и держа блюдо на растопыренных пальцах. – Только, если позволите высказать моё мнение, – едва ли эта линия скоро проведётся. Для инженеров никакой выгоды нет.

– То есть как?

– Степь-с. Паркет, а не почва. Инженеру первое дело, чтобы уклоны были, чтобы линию можно было винтом вести. А здесь – ни тебе мостов, ни тебе насыпей. Шоссе – и то невыгодно проводить. Я-с перевидал строителей этих много. Известно ли вам, что я сорок первый год на службе состою?

– Срок весьма почтенный. И всё на одной станции?

– Нет-с. В смотрителях я всего тринадцатый год. А до тех пор состоял я в таможенных чиновниках. Получил настоящее место по протекции. Спокойное место. Бойко идёт дело только летом, а зимой и нет ничего. Простор люблю-с. Опять же горы на горизонте. Возвышает душу. У нас, в Костромской губернии, таких гор нет. Ежели о снеговых вершинах порассказать, так и не поверят.

– Значит вы довольны?

– Что же мне, в одиночестве моем, надо? Сыт, одет, обут, как говорится. А что насчёт железной дороги, – далёкое это будущее, если можно так выразиться. И далеко не все одобряют. Хотя и принято говорить, что железная дорога – учреждение либеральное, однако оно не всегда достигает своей цели. И это не то чтобы моё мнение. Тут важная одна персона проезжала на прошлой неделе – фамилии не назову – а скажу только, что соответствующее министерскому посту место в Петербурге занимает. Так вот они изволили мне сказать: «Душою отдыхаю – готов день и ночь ехать на почтовых – только бы не по железной дороге: сидя закупоренным в купе, чувствую себя как бы уложенным в чемодан и, кроме того, сознаю себя всецело отданным во власть строителям и пьяным машинистам, в чём, не смотря на сочувствие, никакого либерализма не вижу». И многие-с говорят то же. Действительно, прогресс не всегда удовлетворяет инстинктам души... Что же вы сливочек не возьмёте? Корова собственная. Позапрошлой весной одна пала, пришлось купить новую. Сто целковых дал. Полутиролька с образцовой фермы. До сих пор ещё двадцать рублей осталось за мной – всё сколотиться не могу...

В двери заглянул стриженный малый в огромных сапогах.

– Василий Никитич, штрафное письмо принесли – принять просят – неожиданно, тонким голоском сказал он.

– На много? – полуоборотясь спросил Василий Никитич.

– На сорок два рубля.

– Подождут – не суть важно!

Он не торопясь допил стакан.

– Извините – на минутку оторвусь по делам службы: денежное письмо приму.

Он поклонился и, насупясь, с деловым видом вышел из комнаты.

Я стал смотреть кругом. На стене висели неизбежные олеографии в убогих рамках. Скатерть на столе была грубая, тяжёлая. Углы стульев протёрлись, шторы у окон были в каких-то ржавых пятнах. Засиженные мухами Скобелев и Черняев хмурились из-под зеркала. Всё так знакомо, бедно и печально. Вдруг в углу я увидел что-то блестящее и яркое, совсем не идущее к остальной обстановке. Я подошёл к маленькому столику,

накрытому вязаной скатереткой, такой, какие вяжут поповны да помещицы, страдающие ревматизмом. На столике лежал альбом из золотистого плюша с массивными застёжками и крупными инициалами на крышке. Под буквами поставлены были цифры года. Я открыл крышку. На первом месте был посажен портрет хорошо знакомого мне доктора, пользовавшегося громкою известностью. На второй странице было изображение его жены – с цветком на груди и неестественно скошенными глазами. Далее альбом был пуст, и только в одном месте сиротливо приткнулась в бок пустой рамки маленькая карточка Василия Никитича в мундире почтового ведомства, с рукой заложеной за борт сюртука и с густо начернёнными усами.

– Смотрите альбом? – оживлённо заговорил Василий Никитич, появляясь в комнате. – Хорошая вещица, дорогая.

– Подарок?

– Как же-с, от сынка моего.

– А зачем же у вас портрет этот на первом плане? – я показал на карточку доктора.

– Да это мой сынок и есть.

Должно быть на лице моем выразилось крайнее изумление, потому что смотритель усмехнулся и самодовольно провёл по усам рукою.

– Знаменитость! – любовно проговорил он, смотря на бородатое, скуластое лицо сына. – Ведь как, подумаешь, природа хитро распоряжается. Что я такое – мелкая сошка, ни во мне талантов, ни учёности. Окончил курс в пансионе женском. Ей Богу! У нас в городе пансион был для девочек – мадам Лабиш держала, – так я там у них с девочками и учился. Жена была тоже, так, из захудалых дворяночек. И вдруг у нас наш Серёженька – на такую высоту! Европейская известность! На консилиумы во дворец приглашают, за визиты по сто рублей платят... Лестно для отца, лестно!.. Даже, знаете, не верится, что это сын мой. Как же это, думаешь, неужто это тот Сергунька, которого я собственноручно драл, когда он переходного экзамена в четвёртый класс гимназии не выдержал? Странные комбинации судьбы.

– Вы видите с ним?

– Как же-с! Мне, конечно, по делам службы отлучаться неудобно, да и неловко. А вот он в прошлом году проезжал и альбом оставил. Очень это приятно отцовскому сердцу. И с супругой вместе приехал.

– Надолго?

– На целый день-с. Тринадцатого июня это было. Супруга его, а моя сноха, тоже из первых столичных дам: урождённая баронесса фон Штирих. Красавица! По портрету можете судить. Вся в валянсьенах, как по-французски говорит – истая французинка. И при том со мной поцеловалась. Я сквозь перчатку ручку её поцеловал, – а она меня прямо в губы, и притом не обнаружила ни малейшей брезгливости. Воспитывалась она в Петербурге, в пансионе мадам Труба, где, сколь вам известно, даже русскую словесность на французском языке читают, о чём она сама мне со смехом говорила. И притом состояние за ней огромное. Два дома в Москве, подмосковная, серебряные прииски на Кавказе.

– А на свадьбе вы были?

Василий Никитич соорил испуганное лицо.

– Что вы! Как же можно-с! Они венчались с пышностью и торжественностью. Моё присутствие нарушило бы этикет. Ведь у него на свадьбе два товарища министра были, которых он пользуется. Всё чины высокопоставленные, с тонким образованием, и вдруг, с позволения сказать, какой-нибудь коллежский асессор, смотритель опольевской станции!

– Но ведь вы же отец!

– Это вы насчёт кровного родства? – Мир иной-с. Я отлично постигаю, что ему не то чтобы стыдно родителя, а, как бы так сказать, неловко. Ведь я буду ровно бы какой австралиец между них. В почтовом мундире, бритая рожа, усы как у таракана. Конечно, из любезности все мне руку протягивать будут, но ведь это не ради же меня, а ради сына. Раз

он медицинскую карьеру делает, так уж надо твёрдо эту линию держать, а я ему, и Господи, как могу напортить. Теперь знатные пациенты думают, что у него отец давно помер, и даже не интересуются знать, кто такой он был. А тут вдруг такая физия в потёртом платье и с глупой улыбкой. Вся обедня попорчена!

– А вам не тяжело одному?

Резко поставленный вопрос заставил Василия Никитича как-то вздрогнуть. Он отвернулся и начал наливать себе простывшего чая.

– Известно, под старость угол каждому иметь хочется, – как бы про себя проговорил он. – Ну, да ведь я с голода-то не подохну. Слава тебе Господи, пенсия есть. А ежели бы туго пришлось, пришёл бы к сыну: «так и так, мол, сил не хватило: корми-пой старика». Только этого никогда не будет. Из чужих рук смотреть не люблю. Всю жизнь сам себе головой был и ни в ком не нуждался. Что мне в том, что у них, может, на серебре подают, да лакеи во фраках служат? Я не привык к этому. И без расписного потолка проживу. Сказал, кажется, Юлий Цезарь, что лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме; а я доложу вам, что тем паче приятнее быть первым на почтовой станции, чем последним в доме. Ну, да не в этом дело. А хотел я вас спросить: в самом деле хороший лекарь из него вышел?

Я похвалил.

– Был он тут у меня, – нахмурясь заговорил Василий Никитич. – Я и жалуясь ему, что ревматизм начал ноги одолевать. Он так равнодушно к этому отнёсся: ходи, говорит, круглый год в валенках. Хоть бы посмотрел, постукал где. А за женой, между прочим, весьма ухаживает, сам лимон ей отрезал в чай; головку ей щупал, не болит ли от дороги.

– Отчего же, вот когда вы в корове нуждались, он вам денег не прислал?

Густая краска прилила ко лбу и щекам Василия Никитича. Он усердно начал мешать в стакане плохо тающий сахар.

– Я не счёл нужным ему писать об этом, – тихо возразил он. – Я говорил ему, во время проезда его, что коровку купить собираюсь, да так, между ушей, он пропустил. Тут, вдобавок, как раз генерал Птахин с генеральшей нашим трактом следовали, ну – и не удалось поговорить как надо. Приехал Птахин, узнал, что здесь Серёга, и сейчас вылез, обнялись, целовались. Тут вот я и понял, что совсем мне не место у сына в квартире быть. Я всё ждал, что Сергей представит меня, потому что мне без представления сесть при генерале неудобно, а стоять у притолоки при сыне тоже не идёт. А Сергей о том, о сём, обо мне ни слова. А потом генерал вдруг осердился за то, что Сергей у него растяжение желудка нашёл, и начал кричать на меня: «Что же, такой сякой, скоро у тебя лошади будут?» – А Сергей уткнулся в рецепт, пишет и ничего не слышит вокруг. Потом вместе они поехали. Сергей вылез из коляски, просил всех подождать с минутку, вынес мне этот альбом: «тебе, говорит, отец, на память». Обнял меня: «будь, говорит, здоров, если заболеешь – пиши: пришлю совет, – ты, говорит, не стесняйся, Бога ради...» А жена его заговорила с Птахинной и не простила. Ну, да оно и понятно, светская дама. Она меня даже назвала не свёкром, а тестем – и этого не знает.

Он допил стакан залпом.

– Никто, как судьба, – заключил он.

Дверь опять скрипнула, и та же стриженная голова высунулась в щель.

– Готово, – скороговоркой буркнул он и скрылся.

– Пожалуйте, курьерская троечка – проговорил Василий Никитич и начал помогать мне собираться.

Дождь на время перестал. Низкие серые тучи неслись, цепляясь за острые выступы гор, синевших своими тяжёлыми громадами. У мокрого крыльца, сдерживая горячих лошадей, сидел на козлах коляски ямщик с оловянной бляхой на рукаве. Хвосты у коней были подвязаны и верх у коляски низко спущен.

– Что же, кланяться от вас сыну? – спросил я, пожимая смотрителю руку.

– Кланяйтесь, отчего же... Только... вы пожалуйста ничего такого насчёт меня... о корове и прочее... Мне ничего не надо.

Я сел в экипаж. Он подошёл вплотную и взялся рукою за кожаный фартук.

– Мне ничего не надо, – повторил он. – У меня есть отложенных двести рублей на похороны – я ни в ком не нуждаюсь.

Ямщик тронул. Василий Никитич приподнял свою белую фуражку. Станционный домик с каменной оградой дворика и двумя пёстрыми свиньями быстро мелькнул и остался назади. Лошади горячо и ровно катили экипаж; опять началась степь, и нить телеграфных столбов опять замелькала справа, ещё более усиливая однообразие бесконечной дороги.

В ту же осень, в Петербурге, уже в конце ноября, я заболел обычной северной простудой и послал за Сергеем Васильевичем. Он приехал на другое утро в маленькой неллисовской каретке, такой же блестящий и довольный, как всегда. Я его ещё ни разу не видал с лета. Как всегда, внимательно и серьёзно он меня выслушал; пошутил насчёт опасности моего положения, рассказал самую свеженькую сплетню о жене одного высокопоставленного лица и сел писать рецепт.

– Вы знаете, я прошлым летом познакомился с вашим батюшкой, – внезапно сказал я.

Он остановился писать и поднял на меня свои осторожные пронизательные глаза.

– Где? – спросил он. – В Ополье?

– Да. Менял я там лошадей, увидел ваш альбом и разговорились.

Он опустил глаза и начал снова писать.

– Отец ведь умер, – сказал он, делая росчерк под своей фамилией.

– Когда? – удивился я.

– Недель шесть назад. Я даже уж наследство получил.

Он усмехнулся снисходительной улыбкой.

– Вы сами ездили?

– Нет, вы знаете, я не могу отлучиться, такая практика. Он писал мне, что болен. Ну, да ведь и года его не малые, пора и честь знать. Я посылал туда моего поверенного. Продали с аукциона какую-то корову, хлам всякий, рублей на пятьсот всего.

Он встал и подал мне свою мясистую, красивую руку.

– Хороший был старик, – прибавил он уже в прихожей. – В бреду перед смертью, говорят, всё поминал меня, говорил, что я его гордость. Конечно, он мог бы ещё пожить, но в сущности кому он был нужен?

Тщательно застегнув пуговицы великолепного пальто, он надел несколько на бочок шляпу и, ещё раз протянув руку, сказал:

– Так не забудьте, мазью натритесь сейчас, а порошки на ночь.

И я увидел из окна, как маленькая каретка, стоившая столько, что на неё можно было купить целое стадо тирольских коров, запрыгала мягко по мостовой и скрылась в сером утреннем тумане.

1890

Задание №2 Творческое задание

Один из выпусков популярного литературного канала «Армен и Федор» посвящен десяти лучшим первым строчкам в истории русской литературы.

Напишите для канала «Армен и Федор» (или для своего канала) подобный же разбор последней строчки (она подчеркнута) поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри», помня о том, что ваш материал предназначен для видеоблога:

«И с этой мыслью я засну,

И никого не прокляну!..»